

Александр ПРОЗОРОВ

БЫЛЬ КАМЕННОГО ВЕКА 2

ГНЕВ ДУХОВ

Удивительные
приключения
Пыхруна и Снежаны

Быль каменного века

Александр Прозоров

Гнев духов

«Автор»

2013

Прозоров А. Д.

Гнев духов / А. Д. Прозоров — «Автор», 2013 — (Быль
каменного века)

ISBN 978-5-17-079680-9

Эта история случилась давным, давным-давно, когда люди еще не знали ни компьютеров, ни электричества, ни даже просто железа. Они пользовались только каменными и деревянными инструментами, ходили в шкурах, не умели возделывать землю и верили в то, что произошли от лесных зверей. В одном из таких племен, почитающих за своего предка Мудрого Бобра, жил мальчик, тринадцатилетний Пыхтун и семилетняя девочка Снежана. Им уже довелось пережить труднейшее приключение. Настолько опасное и невероятное, что после такого испытания все прочие члены племени стали считать их взрослыми. О новых приключениях юного Пыхтуна, за храбрость удостоенного имени Тигриный Волк, и его верной спутницы Снежаны и рассказывает эта книга.

ISBN 978-5-17-079680-9

© Прозоров А. Д., 2013
© Автор, 2013

Содержание

Гнев духов	5
Лисья лодка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Прозоров

Гнев духов. Быль каменного века. Повесть третья

Гнев духов

Над Большой Рекой клубился туман. Белый, словно снег недавней зимы, и густой, как заросли озерного камыша. В предрассветном тумане, надежно скрывающем маленьких обитателей чащи от острых глаз саблезубых тигров и когтистых рысей, от громадных медведей и клыкастых волков, торопились утолить с берега реки жажду нежные лани и олени с ветвистыми рогами, жирные барсуки и стремительные белки. Да и могучие лоси, рога и копыта которых позволяли отогнать любых, самых наглых хищников, предпочитали напиться как раз сейчас. Ведь даже им не всегда сопутствовала удача в безжалостных лесных схватках. А если противником оказывался саблезубый тигр или голодный до безумия после зимней спячки медведь — на удачу даже им рассчитывать трудно.

В сем чистом давнем мире доброй и спокойной оставалась только река, величаво несущая свои воды с восхода на закат, щедро поющая и трусливых зайчат, и непобедимых тигров — точно так же, как через десятки тысяч лет она будет поить своими водами города и фабрики.

Но до городов и фабрик этой весной было еще очень, очень далеко. Этой весной на всей огромной планете обитало меньше людей, чем во времена фабрик их будет жить на берегах одной только Свири — как назовут Большую Реку через десятки тысяч лет. В каменном же веке на всей реке стояло всего только одно стойбище из девяти вырытых в земле маленьких, но теплых и уютных домов.

Утро в селении потомков Мудрого Бобра начиналось всегда одинаково: из густой и высокой весенней зеленой травы тут и там поднимались сизые дымки, словно где-то в недрах большого пологого холма пробудился большой горячий зверь, разом дыхнувший в холодный предрассветный воздух из десятка невидимых ноздрей.

Снежана, как и хозяйки многих других домов, проснулась от того, что ей стало зябко. Еще не открывая глаз и не вырвавшись из полудремы, она тихонько пискнула:

— Мама-а... Мам, холодно...

Увы, никто поблизости не зашевелился, не спрыгнул на пол, не прикрыл ее своим одеялом, не затопил очага. Мамы рядом не было. Совсем...

Девочка вспомнила, что это именно она, она сама так долго, почти половину зимы, добивалась, чтобы ей позволили стать женой юного, но самого храброго охотника племени, вздохнула и окончательно проснулась.

Вокруг было темно и тихо, но юная хозяйка отлично знала, что где находится и что нужно делать. Она опустила ноги, нащупала пол, сделала два шага влево, наклонилась, нащупывая очаг, нашла, оперлась на край. Так же на ощупь подобрала приготовленный с вечера пучок тонких веточек и щепок, переложила на холодную вчерашнюю золу. После этого достала из-под потолка полоску бересты, прямо ею разворошила трутную ямку, найдя на глубине в ладонь слабо тлеющую труху, сунула в нее краешек бересты, легонько подула. Трут раскраснелся, и уже через миг береста полыхнула, освещая теплый зимний дом Тигриного Волка и его юной жены.

Снежана осторожно опустила бересту на золу, накрыла приготовленной горстью хвороста, сверху сразу добавила четыре ветки в два пальца толщиной. Сухая растопка полыхнула, ошутимо наполняя дом теплом, а вот ольховые ветки, разгораясь, задымили. Причем дым

пошел не в закопченную нору над очагом, а под потолок, повисая там едкой сизой пеленой между связками вяленого мяса. Девочка метнулась ко входу, выдернула старую и вытертую заячью шкуру, которая затыкала верхний продых. Дымка, дрогнув, поползла в отверстие – но Тигриный Волк уже закашлялся, поднял голову, недовольно поморщился:

– Чего опять?

– Мама говорила, когда мясо в дыму подержать, оно вкуснее получается и хранится лучше.

– Оно же и так давно и копченое, и вареное, и сухое, – охотник подкатился к краю лежака, прыгнул на пол, из охапки хвороста, сложенной под краем кровли, выдернул несколько веток, переломал, превращая в пучок, запалил его в огне и сунул факел в глубину очага, к дымовой норе. Пламя на факеле неуверенно подергалось, потом наклонилось в сторону пробитого в земле лаза. Туда же качнулся и огонь разгорающегося костерка, потянулись струйки дыма. Тигриный Волк оценил взглядом количество мяса, коптящегося в дыму, под потолком, вздохнул и полез обратно под шкуру.

– Ты чего, Пыхтун? – спросила девочка.

– Мало запаса, – ответил юный охотник. – Надолго не хватит. Погода испортится – придется у отца просить. Или корешки собирать. Надо за зверем плыть, около поселка много не наловишь.

– Разве? – Девочка тоже подняла голову, пошевелила губами, загибая пальцы. – Коли по два куска варить, то на восемь дней хватит.

– Двумя не наешься, дожди затянуться могут, – сладко зевнул Тигриный Волк и кивнул на продых. – Темно там еще. Чего вставать так рано?

– Холодно! – Снежана вытянула с пола, из-под жердей, сразу три дровины толщиной с голову, положила поверх уже разгоревшихся палок и тут же нырнула на мягкую постель из огромной шкуры саблезубого тигра, положенной поверх толстого камышового мата; натянула на плечи волчью шкуру. Поежилась, сжалась в комок, пытаюсь поместиться под ней целиком. – Почему они такие маленькие?

– Волки? – не удержавшись, засмеялся Пыхтун. – Это они только выделанные такие. Когда волки на тебя прыгают, то размером с медведя кажутся. А когда шкуру освежуешь, получаются чуть больше кролика. Охотники сказывают, лесные духи так шутят. Говорят, они берут себе половину каждой добычи, чтобы люди не зазнавались. Поэтому пойманная добыча всегда выходит намного меньше, чем казалась, пока за ней гнался.

– Правда? – удивилась Снежана. – Это же нечестно!

– Они так шутят, – объяснил Тигриный Волк. – На лесных духов нельзя обижаться. Они помогают нам в охоте. Хуже, когда они недовольны. Тогда наши силки остаются без добычи, а зверь не выходит на бросок копья. Пусть веселятся. Я выслежу четырех волков, и ты сошьешь нам большое одеяло, под которым хватит места всем.

– И нам, и детям? – встрепенулась Снежана.

– Да, – согласился охотник и снова зевнул.

– Когда же они, наконец, появятся?

– Снежана, мы ведь всего семь дней как вместе. Великая Праматерь не дает детей так скоро. Потерпи.

– А сколько терпеть?

Тигриный Волк не ответил. Он уже снова спал. Разгорающиеся в очаге дрова стремительно наполняли приятным теплом вырытый в земле дом длиною почти в десять шагов и примерно шести в ширину. Юная хозяйка тоже вытянулась во весь рост и, засыпая, отпихнула шкуру к ногам.

Второй раз она проснулась уже от жары. Покрутилась, подтянула к себе шкуру – но прохладнее под ней не стало. К тому же, все равно пора было вставать. В оставшемся открытым

продыхе просвечивало светлое небо, а дрова прогорели, превратившись в кучку раскаленных углей.

Снежана сладко потянулась, прыгнула на пол, сняла с пустеющего пока лежака напротив короб с водой, в котором со вчерашнего дня отмокало сушеное мясо, переставила на угли. Не спеша, с достоинством расчесала волосы, смотала их на затылке, заколов гребешком, затем натянула длинное платье из волчьего меха. То самое, что Пыхтун сшил ей, когда духи выбросили их на берег Большой Воды. Не самое красивое и удобное, без всяких украшений – но самое любимое.

Вода в коробе уже забурлила – девочка, подсунув снизу палки, переставила короб на лежак, отгребла большую часть углей к дальней стене очага, оставив совсем немного, вернула короб на них. Теперь вода всего лишь слегка пузырилась. Можно ненадолго и отвлечься. Еще раз пригладив волосы, Снежана подхватила кожаное ведро со сплетенными из рогаза ручками, аккуратно пробралась между тремя полотнищами входного полога и вышла на свет.

Солнце только-только поднималось на небо, и большая часть племени еще оставалась в домах. Лишь полусонные Трескун и Гнездо Осы в вытертых накидках несли вдвоем мимо общего котла охапку мокрых шкур. Похоже, родители отослали их спозаранку полоскать откисшие замши, чтобы не пахли. Снежана специально сделала небольшой крюк и, едва не задев Трескуна плечом, громко предупредила:

– Осторожнее, дети!

Девушка и паренек чуть не уронили свой груз от такого обращения, но... Но Снежана, пусть и в свои восемь зим, уже вышла замуж и считалась женщиной. А они, пусть и старше на три лета каждый – жили с родителями и потому оставались детьми.

– Не задирай нос, о корень споткнешься! – выкрикнула ей вслед Гнездо Осы, но Снежана лишь снисходительно хмыкнула: мало ли чего ребенок брякнул?

Ей очень хотелось покрасоваться перед кем-нибудь еще – но, увы, больше никого не встретилось даже на берегу реки. Пришлось лишь зачерпнуть воды и вернуться домой: варево в очаге выкипало быстро, за ним следовало приглядывать и подливать свежую воду вместо испарившийся.

В доме уже ароматно пахло мясным бульоном. Правда, сам суп больше не кипел, придавив почерневшие угольки. Снежана охнула, кинулась к очагу, подняла корец, подгрестила угли, вернула обратно, добавила свежей воды. Потекшие по отвороту ведра капли подхватила и стряхнула на полку. Тигриный Волк аж подпрыгнул, ошарашенно выпучив круглые глаза:

– Что?!

– Что? – невинно поинтересовалась Снежана, придвигая ведро ближе к очагу.

Пыхтун отер лицо, встряхнулся:

– Ой, как жарко. Я даже вспотел!

– У нас трута нет совсем. Принесешь?

– Конечно, – кивнул охотник. – Соберу, когда ловушки проверю. Есть у меня приметная береза у тропы. И сама трухлявая, и с грибами.

Он потянулся к своему заплечному мешку, что лежал над очагом под краем кровли. В самом теплом месте, дабы всегда оставался сухим. Пыхтун заглянул внутрь, проверяя содержимое. Снял сверху и добавил к общему грузу еще два мешочка из тонкой замши.

– Оделся бы сперва, Пыхтун! – укорила девочка. – Куртки не нашел, а уже за сумку хватаешься.

– И так жарко... – ответил тот и тут же вскрикнул: Снежана, не удержавшись от соблазна, все же плеснула ему в горячую спину еще горсть холодной воды. Охотник, крутанулся, выгнувшись, кинулся на нее: – Ах, ты...

Девочка с визгом кинулась спасаться, нырнула под пологи, выскочила наружу, со всех ног помчалась к священной иве, петляя между охотниками, женщинами и детьми. Тигриный Волк

гнался за нею до общего котла, возле которого неожиданно наскочил на отца, уже опоясанного ножами и топором.

– Чего разбегались, как зайцы?! – изумился Ломаный Клык, придержав Тигриного Волка за плечи.

– Да она! Она... – возмущенно начал паренек... и закончил: – Нашла когда!

– Только-только мужем с женою назвались, а уже раздорите, – укоризненно покачал головой отец. – Никак, Снежана лишнего требует?

– Ничего, я не сержусь! – во всеуслышание заявила девочка и торжественно прошествовала мимо юного охотника. – Тигриный Волк, приходи кушать. Суп уже готов. Дети, осторожнее!

На ее пути опять оказались Гнездо Осы и Трескун – но на этот раз они только засмеялись.

– Я собираюсь проверять ловушки, – коротко произнес Ломаный Клык.

Он уже был одет в дорогу: сшитые мехом внутрь штаны, плотно обтягивающие ступни поршни из толстой лосиной кожи, перехваченная широким ремнем куртка, свисающая почти до колен. Надевалась куртка, разумеется, через голову, но для удобства на груди был разрез, застегивающийся на три петли пахучими можжевельновыми палочками. На случай дождя у куртки имелся глубокий капюшон – но пока, за ненадобностью, он свисал за плечами. В такой одежде в лесу было тепло и удобно в любое ненастье. Хоть в снегу ночуй! Для красоты же на правой стороне груди были пришиты десятки петелек с когтями рысей и барсуков, клыками енотов и росомах. Добыча, не столь трудная, чтобы делать из нее ожерелье гордости, однако наглядно показывающая, сколь добычлив носящий такую одежду мужчина. На левой стороне груди колыхалась раскрашенная ягодным соком замшевая бахрома – две полоски означали двух детей.

– По нашей тропе? – скользнув по бахроме взглядом, спросил в ответ Тигриный Волк. – Пойдем вместе?

– Что же, пойдем, – пригладил короткую рыжую бородку отец. После праздника Праматери еще ни у кого из мужчин волосы не успели отрасти ни на голове, ни на подбородке. – Двоем в лесу завсегда спокойнее, нежели по одному. Но давай побыстрее!

– Только оденусь... – Юный охотник заторопился к дому, по вырытым в земле ступеням сбежал вниз.

Девочка помешивала в корце варево, в котором плавали уже и мелкие чищенные корешки свеклы, и макушки молодой крапивы, и листья сушеных приправ. Оглянулась:

– Одевайся. Пока соберешься, как раз готово будет.

– Когда ты крапиву собрать успела? – только удивился охотник.

– Вечером... – девочка вздохнула: – Мама говорит, утренняя вкуснее. Но так спать всегда хочется! Но ведь он и так свежестью пахнет, Пыхтун! Попробуй!

– Пахнет, – не стал спорить охотник, натягивая штаны.

– Вот и я говорю, что пахнет. – Она еще помешала, принюхалась, потыкала острым кончиком палочки в мясо. – Сварилось!

Корец быстро переместился на пустой лежак, девочка достала свернутые из бересты ложки и застыла с ними в руках, бессильно глядя на угощение: оно было еще слишком горячим.

Прежде чем они смогли наконец-то перекусить, Тигриный Волк успел сложить с собой пару кусочков вяленого мяса, проверить и заткнуть за пояс топор, выбрать гарпун, осмотреть копье, еще раз перебрать заплечную сумку, надеть теплую охотничью куртку.

Снежана очень боялась, что мясо, засушенное еще до зимы, не успеет развариться – но, замоченное еще накануне и кипятившееся все утро, оно оказалось мягким, как свежее. Даже свекольные корешки получились тверже. А долгое пребывание под крышей, сперва в доме Ломаного Клыка, а потом и у них – придало вареву приятный кисло-дымный аромат копчености. Девочка поняла, что стала хорошей хозяйкой, и гордо посмотрела на мужа. Однако

Пыхтун, жадно уплетая угощение, ничего особенного в нем не замечал. Девочке даже немного взгрустнулось: старалась, старалась... А ничего особенного, выходит, не вышло?

– Меня Клык ждет, – сказал Тигриный Волк, отставляя полупустой корец. – Вдвоем к ловушкам пойдем. Побегу.

– Ладно, – со вздохом кивнула юная хозяйка. – Скорее возвращайся.

Снежана – как всегда поступала мама с отцом – обняла Пыхтуна, прижавшись щекой к щеке, и отступила:

– Про трут не забудь!

– Помню!

* * *

Из селения детей Мудрого Бобра в лес уходило семь тропинок. На две меньше, нежели домов в селении. По молчаливому уговору считалось, что по той, что вела к святилищу, уходил ставить силки шаман Чужой Голос. Вдоль реки вверх и вниз отправлялись за добычей Храбрый Рык и Быстрый Олень. По той, что начиналась за Священной Ивой, ходили Тихий Уж с почти взрослым Трескуном, этим летом ждущим посвящения в охотники. По тропе напротив, что ближе всего к дому Тигриного Волка, искали добычу Сильный Лосось, его сын Быстрый Ветер и отец Медвежий Хвост. За старым пнем начинался путь Белого Камня. Здесь же иногда бывал и Хромой Зубр, но старый мастер редко пытался охотиться. Его умение превращать кусочки камней в ножи, наконечники и топоры приносило ему куда больше мяса, нежели самые удачливые силки на самой оживленной звериной тропе. Чуть левее пня привычно перепрыгивали узкий ручеек Ломаный Клык и Тигриный Волк.

Пыхтун никогда не слышал, чтобы охотники договаривались, где и чьи уголья находятся, однако каждый понимал, что если все отправятся в одну сторону, то вскоре добычи там не останется ни для кого. Тропинки доставались от отцов сыновьям, каждый из мужчин с детства знал все ямки и бугорки именно своих угодий, знал любимые зверями ходы и места лежки, знал, где кто кормится и куда убегает от опасности, в каком месте на кого ставить ловушки. И потому никто не рвался бросить свой участок и пойти за добычей к соседу.

Пусть Тигриный Волк теперь и не принадлежал семье Ломаного Клыка, но вот мальчик Пыхтун, которого духи подменили на удачливого охотника, все же был сыном Клыка, и потому семейная тропка тоже стала как бы общей.

Таиться поблизости от селения смысла не имело, и Ломаный Клык, оглянувшись на сына, без опаски спросил:

– И как тебе, Тигриный Волк, понравилось быть мужем?

– Охотник должен иметь жену, Клык, – с достоинством ответил Пыхтун. – Разве не так?

– Должен, – согласился его отец. – Но охотники выбирают себе жен своего возраста. Ты же попросил Снежану. Девочку, которой всего восемь зим. Ты не жалеешь об этом, Тигриный Волк?

– Она хорошая хозяйка, Ломаный Клык.

– Разве это все, что нужно охотнику от жены?

– Я знаю, – не очень уверенно ответил Тигриный Волк, – Великая Праматерь приносит детей женам, а не мужьям. Но Снежану передал мне ее отец, я отдал за нее подарок, я добыл ожерелье клыков, у нас есть дом. Мы исполнили все нужное согласно заветам Мудрого Бобра. А значит, Великая Праматерь обязательно принесет нам детей!

– И это все?

– Снежана говорила, что муж и жена должны спать под одним одеялом, – уточнил Пыхтун, – а у нас две разных шкуры. Но я добуду еще двух волков, и она сможет сшить все шкуры в одну. Тогда будут выполнены все условия, и дети смогут появиться.

Ломаный Клык даже замедлил шаг, обдумывая его ответ, тряхнул головой, потер затылок. Кивнул:

– Чужой Голос был прав, ты избран духами. Непонятно только, зачем? Но они все еще играют тобой и ни на миг не отпускают своим вниманием.

– Мы такие же, как все, – не поверил Тигриный Волк. – Мы немного моложе, но ничем не отличаемся от вас! У нас такой же дом, я получил жену по общему обычаю. Почему шаман указывает именно на меня и Снежану?

– Ты забыл, Тигриный Волк? Ты получил посвящение по воле духов, а не по обычаю племени. Ты получил жену самым молодым из всех охотников, кого только помнит наше племя. И ты выбрал самую юную жену, которая только бывала в племени Мудрого Бобра. Могла ли Великая Праматерь ожидать так быстро таких перемен? Мне жаль, но у нее наверняка нет для вас детей так рано. Тебе придется ждать, пока пройдет еще пять или шесть зим, и возраст Снежаны станет возрастом обычной женщины.

– Это сказал Чужой Голос? – Тигриный Волк остановился вовсе.

– Духи играют тобой, сынок, – оглянулся на него взрослый охотник. – Никто не знает, что они могли задумать? Но Снежана еще не готова стать матерью. Поверь мне, не шаману. Она еще не готова.

– Мне нужно сказать Снежане, чтобы она не ждала детей?

Охотники несколько мгновений помолчали, и Ломаный Клык вдруг хлопнул себя по лбу:

– Прости, Тигриный Волк, я совсем запутался. Ведь я хотел рассказать тебе совсем о другом! О том, что очень и очень важно. О том, что должен знать каждый охотник, но никогда и никому не должен выдавать этой тайны. Только своему сыну и только после того, как сын приведет к себе в дом свою избранницу. – Ломаный Клык повернулся и быстро пошел по тропе, напутствуя Пыхтуна через плечо: – Ты выбрал себе жену. Она останется с тобой на всю жизнь. Она станет поднимать тебя на рассвете, она будет приносить тебе детей, дарованных Великой Праматерью, она будет готовить ту еду, что будешь есть ты и твои дети, она будет следить за твоим домом и твоими припасами.

– Я знаю, Ломаный Клык!

– Ты ничего не знаешь! – остановившись, повернулся к нему отец. – Женщина слаба и беззащитна. Она не может сама добыть косулю или тетерева, она не способна защититься от рыси или волка, ей не по силам нарубить и принести дров для своего дома. Она слаба. Но если она доверила себя тебе, твоей силе и умению, если выбрала тебя из других охотников, она обязательно постарается стать для тебя самой лучшей. Она станет готовить для тебя самую вкусную еду, шить самую красивую одежду, держать дом в тепле и порядке лучше всех других.

– Снежана лучше всех! – твердо ответил Тигриный Волк.

– Верю, – серьезно ответил отец. – Но если муж не понимает, как старательна его жена, женщина думает, что не так уж и хороша, и перестает готовить лучше соседок, перестает шить, как другие не умеют. Перестает следить за домом... И виноват в этом лишь ее муж.

– Почему? – не понял юный охотник.

– Потому, сынок... Если ты не заметил стараний жены, в этом виноват ты, а не я, или Чужой голос. Раз твоя Снежана лучше всех, ты должен хвалить ее, как самую лучшую жену. Если не похвалил хотя бы... – Ломаный Клык остановился и вытянул перед собой ладонь с растопыренными пальцами. – Не похвалил хотя бы пять раз в день – выйди из дома и постучись головой пять раз о ствол священной ивы. Ты самый молодой охотник нашего племени, Тигриный Волк, а Снежана самая молодая жена. У вас будет долгая жизнь вдвоем. Чтобы эта близость вас радовала, а не огорчала... Тебе нужно хвалить жену – или печалить иву. Ты меня понял?

Тигриный Волк подумал, кивнул и указал вперед:

– Если мы не поторопимся, Ломаный Клык, то не успеем вернуться засветло.

– Я не шучу! – Отец все же двинулся быстрым шагом по тропе. – Когда ты хвалишь свою жену, приносишь ей подарки, благодаришь, она радуется и старается управиться со всеми своими хлопотами лучше прежнего. Тогда в твоём доме всегда будет чистота и вкусная еда, а твоя женщина всегда станет ждать тебя с радостью. Только тогда согласие и уют навсегда сохранятся в твоей семье с первого и до самого последнего дня. Не забывай про это, Тигриный Волк! Потерять согласие легко. Вернуть его не удавалось ещё никому. Запомни мой совет, Тигриный Волк. Я очень хочу, чтобы вы со Снежаной провели жизнь в радости. Пусть никакие духи не смогут её испортить! А нужно для этого всего ничего. Видеть старания жены и хвалить её. Хотя бы пять раз в день.

Тропинка повернула в тенистый и прохладный, пахнувший перегноем, заросший овраг, пробежала его до середины, забралась на склон. Охотники замолчали и пошли медленнее, осторожно ступая: отсюда начинались места для расстановки ловушек. Волк и Клык по краю, чтобы не топтать любимую косулями сочную траву, обогнули влажную луговину, в ивовых кустах издали, дабы не оставлять запаха, осмотрели развешенные на ветвях петли. Через ельник пересекли ближний лес, проверили силки, поставленные возле другой поляны. Повернули к истоку Песчаного ручья, к которому бегало на водопой много живности.

– Ты смотри, как нас опередили! – не выдержав, вслух посетовал Ломаный Клык, ускоряя шаг, присел у силков. Пятна крови, обрывки шкуры и клочья шерсти, раскиданные вокруг, наглядно показывали, что попавшего в ловушку зверька кто-то уже переправил к себе в живот. – Вот когти на глине... Вот еще след... Похоже, рысь подкрепилась.

– Зайчонок попался, – согласно кивнул Тигриный Волк. – Нужно нить помыть. Пока кровью пахнет, никто в нее не зайдет.

– Хорошо хоть, ручей рядом, – отвязал петлю от толстой ветки отец. – Быстро сполосну. Только остальные уж сразу глянем. Вдруг...

Он оказался прав: рысь, разорившая первую ловушку, похозяйничала и во второй. Но зато – сама попала в третью, прочно засев в силках из крапивных нитей.

– Ну вот, – довольно запихнул тяжелую пятнистую кошку к себе в заплечный мешок Ломаный Клык. – Сегодня мы будем сыты.

Тщательно прополоскав в холодной прозрачной воде испачканные леса, охотники вернули их на места и двинулись дальше, к осиннику. По пути свернули к кабаньей тропе, но и там силки стояли пустыми. Любимые зайцами густые заросли молодых побегов тоже ничем не порадовали детей Мудрого Бобра.

Дальше, за рощей, силки ставил уже Тигриный Волк. Перед клюквенным болотом – на косуль, по его берегам – на зайцев и барсуков. За болотом росло много дубов, и к ним вели сразу три кабаньих тропы. Но...

Смирившись с неудачей, Пыхтун начал снимать свои петли.

– Что ты делаешь? – удивился отец.

– Только зря ноги стаптываем, Ломаный Клык, – ответил юный охотник. – Здесь нет столько зверей, чтобы сделать припасы на зиму. Нужно плыть к дальним стоянкам, охотиться там. Там за день больше наловим, нежели тут за пять получается.

– До зимы далеко. Копченое мясо не долежит, сушеное заплесневет.

– Пускай. Но пока в доме есть еда, я могу камыша нарезать, крышу перекрыть. Она совсем тонкая. Как бы в дождь не потекла.

Отец хмыкнул, покачал головой:

– Прости, не вспомнил. Ты прав, Тигриный Волк. Реже сходим на охоту, больше сможем сделать дома. Духи и правда научили тебя мудрости, охотник, пока удерживали в своем мире!

– Пока я жил на берегу Вод Заката, то привык все делать сам, – пожал плечами Пыхтун. – Хочешь остаться в дождь сухим и сытым, помни про крышу и припасы. Не сделаешь сам – не сделает никто.

– Но духи вернули тебя, Тигриный Волк! Теперь ты не один. Я помогу, Чистая Капля поможет... – напомнил отец и неожиданно закончил: – Но духи научили тебя правильно.

Пройдя охотничью тропу до конца, они развернулись и повторили весь путь, снимая силки. Поэтому и задержались в чащобе дольше обычного, вернувшись незадолго до заката. Словно в укор их полупустым заплечным мешкам – в селении, возле общего очага, охотник Тихий Уж, его сыновья старший Трескун и пятилетний Лопотун резали на мелкие полоски мясо, чтобы обжаривать и сушить у разведенного огня, а жена Белая Ласка и дочь Гнездо Осы скоблили шкуры оленей. Сразу трех!

– Удачной охота, – проходя мимо, кивнул Ломаный Клык.

– И тебе удачной охоты, – поднял голову Тихий Уж. – Вот, у Дальней Топи на наволоке застал. Все гарпуны метнуть успел, пока убежали. Жаль, всего три с собой взял. Стадо там, далеко уйти не могли.

Тигриный Волк и Ломаный Клык переглянулись. Если удастся скрасть несколько оленей, обе их семьи будут сыты дней пять. Поэтому, даже не заходя домой, они сбежали по склону холма вниз к реке. Остановились на пляже, возле которого лежали лодки племени. Их оставалось четыре: на одной Белый Камень и Когтелом тоже ушли куда-то к дальним стоянкам за добычей. Одна была обильно залита кровью и пахла так, что ее парной аромат ощутили даже люди. Своих оленей Тихий Уж привез именно на ней. Не сговариваясь, отец и сын приподняли соседнюю долбленку, сволокли к самой воде. Теперь остальные дети Бобра будут знать, что она занята.

– На рассвете? – уточник Ломаный Клык.

– На рассвете, – согласно кивнул Тигриный Волк.

– Рысь разделаю – половину принесу, – пообещал старший охотник сыну. – Тогда и договорим.

– Хорошо, – опять согласился Тигриный Волк и направился к дому.

– Наконец-то! – увидев его, кинулась на шею Снежана. – Как я соскучилась! Смотри, я из молодых одуванчиков, сныти и щавеля мешанину нарезала! Попробуй, как вкусно получилось.

– Дай хоть раздеться-то! – осадил ее Тигриный Волк, отстранился, оставил копье, снял с плеча сумку, спрятал топор наверх, под край крыши, мельком заметил грустное лицо Снежаны, расстегнул пояс, переложив на пустой лежак. В памяти же всплыло настойчивое предупреждение отца: «Не похвалишь жену пять раз на дню – иди и постучись головой о священную иву. Потерять согласие легко, вернуть невозможно». Он замялся, вдруг резко повернулся, подхватил жену на руки и стремительно крутанулся на месте: – А вот теперь я тебя обниму, моя хозяйка!

– Ой-ой, голова! – радостно визгнула девочка, крепче прижимаясь к нему.

– Как приятно дома! Тепло и уютно! – Пыхтун осторожно вернул ее на пол. – Как ты хорошо протопила.

– А ты трут принес?! – спохватилась юная жена. – Совсем мало осталось.

– Да, в овраге от старой березы наковырял, – потянулся за сумкой охотник. – Только подсушить нужно, он немного сырой.

– Давай, я над печкой разверну. Проголодался? Попробуй мешанину, как получилось, – придвинула к нему березовый короб девочка.

Тигриный Волк запустил пальцы в мелко нарезанную траву, ухватил побольше, сунул в рот, прожевал, кивнул:

– Как вкусно!

– Правда?! – восторженно воскликнула Снежана.

– Очень! – кивнул охотник, зачерпывая еще. – Свекольные листья и одуванчики всегда пресные, как трава. А со щавелем вкусно. Кислинка.

– Оно и есть трава, – засмеялась юная хозяйка. – Не наешься, но на вкус приятно. Суп утренний еще остался. Согреть?

– Согреть, – тут же согласился Тигриный Волк, за день не съевший даже камышового корешка. И добавил: – Мы рысь сегодня взяли. Отец, как освежает, часть принесет. Тебе на завтра хватит.

– Нам, – поправила его Снежана, ставя короб на угли.

– Тебе. Мы с Ломаным Клыком решили завтра к Дальней Топи сплавать. Там Тихий Уж встретил стадо оленей, можно взять хорошую добычу. Привезем мясо – сможем доделать дом. Добавить камыша на крышу, закрыть шкурами стены.

– Сшить общее одеяло! – встрепенулась девочка.

– Не знаю... – поморщился Пыхтун – Для одеяла нужен волк. Олений ворс слишком жесткий, тебе не понравится.

– А когда ты поймаешь волка?

Юный охотник передернул плечами. Возможная встреча в лесу с волком, пусть всего лишь в мыслях, радости у него не вызвала. Но Снежана уже отвлеклась на быстро согревшийся корец, края которого от жара начали обугливаться, ловко перенесла его палочками на лежак:

– Вот! Не очень горячий, в самый раз.

Тигриный Волк взялся за ложку. Сытный бульон с уже совсем разварившимся вяленным мясом утолял голод намного лучше мелко порезанной травы, и охотник вполне искренне сказал:

– Какая вкуснятина!

– Это он за день настоялся, – обрадовалась Снежана. – Суп сразу есть нельзя. Вкуснее, когда он постоит. Ты доедай, Пыхтун, я дров подброшу. Поздно уже, пора спать.

Охотник кивнул, допил остатки варева через край, подвинул корец ближе к очагу. Почесал затылок и стал загибать пальцы:

За суп.

За травяную мешанину.

За тепло в доме.

Когда обнял – считается или нет?

Все равно всего четыре...

– Забирайся к стене, я быстро!

– Иду! Только отлучусь ненадолго.

Пыхтун вышел на траву. Над холмом селения стемнело, и только звезды в небесах слабо тлели, как последние угольки в очаге. Охотник еще раз загнул четыре пальца, вздохнул и мимо котла понуро побрел к священной иве. Примерился, ударил в нее лбом. Получилось больно. Потирая ссадину над бровями, Тигриный Волк призадумался: стучаться еще раз совсем не хотелось. И тут его осенило! Он быстро вернулся в дом, нырнул под полога, подоткнул их по краям, проверил, закрыт ли продох, скинул куртку и штаны, забрался на лежак и, склонившись к уху девочки, прошептал:

– Ты у меня самая-самая лучшая, Снежана! Лучше тебя нет никого во всем селении.

– И ты у меня самый лучший. – Даже в полумраке Пыхтун ощутил ее улыбку. Девочка приподнялась, коснулась его щеки своей: – Как хорошо, что мы вместе!

Пыхтун радостно сжал все пять пальцев левой руки и, довольный собой, вытянулся возле стены. И очень скоро оказался среди качающихся волн, несущих его мимо священной ивы. Ива укоризненно качала ветвями, а вокруг скакали крупные жирные лососи, совсем не в сезон густым потоком текущие наружу. Рыбины косились друг на друга большими радужными глазами и громко переругивались самыми настоящими человеческими голосами. И делали это столь рьяно, что когда Снежана растрясла Тигриного Волка, он поначалу не понял, происходит все это наяву или все еще во сне...

– Ты слышишь, Пыхтун?! Слышишь?!

Охотник, зевая, приподнял голову. Ему и правда показалось, что неподалеку кто-то недовольно рычит.

– Это в доме или снаружи? – пробормотал он, шаря вокруг в поисках пояса с ножами. – Очаг разжигать нужно, не видно ничего.

И тут ночь над поселком прорезал истошный, отчаянный женский крик. Тигриный Волк одним рывком оказался на полу, махнул рукой по левой стороне, где всегда оставлял копьё и дротики, нащупал какое-то древко, прорвался через пологи, взлетел по ступеням вверх.

Звезды на небе исчезли, и поселок наполнял мрак – однако, не столь непроглядный, как в доме. Охотник различил в стороне, откуда доносились крики и рык, какую-то непонятную, но шевелящуюся тушу, кинулся к ней и со всей силы, что только мог, вогнал копьё в полуночного гостя. Тот взревел, поднялся, оказавшись вдвое выше его ростом. Могучим рывком выдернуло древко из рук. Тигриный Волк скорее почувствовал, чем увидел, что его сейчас будут бить, и вмиг откинулся на спину. Перед глазами мелькнула могучая лапа, обдав лицо легким ветерком, юный охотник ужом отполз немного назад – но зверь уже потерял к нему интерес и снова полез через крышу в дом, явно уже успев чем-то там поживиться.

Пыхтун вскочил, бросился к копьё, провернул его в ране и вырвал. Темная туша хищника дернулась, зверь издал громкий болезненный рык, опять прыгнул на охотника, заставив его отскочить – и вновь повернулся к развороченной крыше, сунув морду внутрь. Он не собирався драться с надоедливой таракашкой. Он просто отгонял ее от своей добычи. Эта догадка прибавила Тигриному Волку смелости, и охотник, издав громкий вопль, снова ринулся вперед, ударил копьём, отскочил, с силой ткнул в другое место, краем глаза замечая, как на помощь торопятся еще несколько мужчин племени.

Зверь от боли потерял терпение, резко отпрянул от дома и развернулся, кинулся на человека. Пыхтун попытался ударить его в грудь – но полуночный гость неожиданно ловко отмахнулся от укола. Причем попал по копьё с такой силой, что выбил его у юного охотника из рук. Боясь остаться безоружным, Тигриный Волк кинулся вперед, пытаясь нащупать в траве древко – но тут ему на спину точно обрушилось само черное небо и утопило в своей темноте...

...Открыв глаза, Тигриный Волк увидел над собой знакомые перекладыны дома, связки сушеного мяса под потолочным бревном.

– Как хорошо! Это всего лишь сон, – обрадовался охотник, попытался встать и тут же упал назад, громко застонав от боли под лопатками.

– Пыхтун?! – рядом появилось лицо Снежаны. – Лежи, милый, лежи. Шаман сказал, тебе теперь лежать надобно, дабы силы вернулись. Как лапу съешь, что тебя ударила, весь вред и пропадет. А раньше не вставай, лежи. Я тебе сюда дам...

– Лапу? – не понял юный охотник. – Какую лапу?

– Ты забыл, Пыхтун? – откуда-то со стороны ответила девочка. – Ночью медведь большой приходил. Поперва лодку погрыз, что оленьей кровью Тихий Уж и Трескун вымазали. Сильно погрыз. Голодный, знамо, был. Еще одну поломал просто, третью дел куда-то. Быстрый Олень искать поплыл. Надеется, течением вниз унесло. Опосля в поселок поднялся. Пока спали все, медведь дом вынюхал, в котором мясо свежее. Крышу раскидал, да вниз к Тихому Ужу полез. Трескун говорит, они в темноте и не поняли ничего. Гнездо Осы кричит, Тихий Уж тоже, рычит кто-то – но ничего не видно. Потом ты медведя копьём ударил, он обратно из дома и выскочил. Он тебя загрызть совсем собрался, но тут Быстрый Олень и Храбрый Рык подоспели, отвлекли. Потом Чужой Голос с твоим отцом подбежали, гарпунами закидали. А как медведь убежать собрался, ему Храбрый Рык крестец поломал, свалил. Опосля копьёми и добили. Посему клыки никому не достались. Шаман череп возле святилища поставит, дабы звери силу Мудрого Бобра знали и стороной обходили.

Снежана ненадолго замолчала, взясь у очага, потом протянула Тигриному Волку длинный язык розового, хорошо пропеченного мяса:

– Вот, ешь. Чужой Голос сказал, кости сварить нужно, мясо пожарить. Когда все съешь, тогда и выздоровеешь.

– Меня одного ночью помяло? – принял угощение Тигриный Волк.

– Гнездо Осы и Тихого Ужа забрали духи, – грустно ответила девочка. – Их сейчас в святилища понесли. Мужчины в свое охотника, женщины к Праматери Осу. Только я с тобой осталась и Хромой Зубр за детьми у очага присматривает.

– Беда какая, – вздохнул Тигриный Волк. – Тихий Уж был хорошим охотником. Подкрадываться к зверю лучше всех умел. Жаль, что духи выбрали его.

– И Гнездо Осы тоже жалко, – согласилась Снежана. – Она часто говорила плохие слова, но была забавной. Пуще всего Белую Ласку жалко. Как она теперь проживет без мужа? Ты ешь, Пыхтун, ешь. Чем быстрее лапа кончится, что тебя ударила, тем раньше на ноги поднимешься.

– А она большая?

Девочка наклонилась и, пискнув от натуги, приподняла большой розовый кусок мяса, размером с бедро взрослого охотника. С одного края этого шматка торчали загнутые черные когти, каждый длиною с ладонь.

– Вот. Половину я уже срезала, остальное сейчас счищу. Потом кости вариться поставлю.

– Ого! – испуганно охнул Тигриный Волк, немного подумал и вкрадчиво спросил: – Снежана, милая моя... Ты ведь теперь со мной одна семья, правда? Ты моя жена по обычаю Мудрого Бобра и Великой Праматери. Правда?

– Да, – согласилась девочка, снова повернувшись к очагу.

– Ты хочешь, чтобы я быстрее выздоровел?

– Конечно, хочу!

– Тогда помоги мне съесть эту лапу.

– Но Чужой Голос сказал, что это ты должен ее скушать... – неуверенно повернулась к Пыхтуну Снежана.

– Но ведь ты моя жена по обычаю, правильно? У нас все теперь всегда вместе, правильно? Значит, и есть лапу для моего выздоровления мы можем вместе!

– Нужно спросить шамана.

– Чужой Голос ушел в святилище, – напомнил Тигриный Волк. – Это далеко. Сегодня не спросишь. Но ведь ты моя жена? У нас все вместе? Ты хочешь, чтобы я быстрее выздоровел?

– Ладно, давай попробуем, – поддалась на уговоры Снежана и потянула из очага другой зажаренный ломоть. – За твоё здоровье...

– Как вкусно! – спохватившись, похвалил еду Тигриный Волк. – Настоящее лакомство.

– Мама научила, – улыбнулась девочка. – Нужно не кусками резать, а длинными полосками. Тогда они быстрее прожариваются и руками брать удобнее.

– Наверное, тонкие куски и вариться быстрее будут? – предположил юный охотник.

– Такой в короб неудобно запихивать.

– А если просто на маленькие кусочки порезать?

– А как их тогда есть?

– Ложкой.

Снежана промолчала, однако было слышно, как она с чем-то завопилась. Тигриный Волк попытался приподняться и посмотреть – но боль в спине вынудила его снова застонать и вытянуться на укрывающей камышовый мат шкуре. Девочка недолго пошуршала, подбросила в очаг дров, поднялась:

– Я ненадолго к реке сбегая, пока прогорает. Там чеснок дикий растет и тысячелистник. С ним вкуснее получится.

Когда девочка вернулась и опять завозилась у очага, по дому и впрямь пошел такой соблазнительный аромат, что у Пыхтуна даже слюнки потекли, хотя голодным он не был. Охотник зашевелился:

– Как у тебя все в руках ладится. Вроде и поел, а снова не против.

– Не торопись, еще не сварилось... – улыбнулась Снежана.

Тигриный Волк, довольный, загнул второй палец. Когда хозяйку есть за что хвалить – делать это оказалось совсем нетрудно.

Суп из небольших кусочков мяса и правда получился невероятно наваристым и сытным. Настолько, что, съев большую часть корца, Тигриный Волк даже задремал. А когда проснулся – снова ел, но теперь уже запеченное у стенок очага мясо.

К утру лечение шамана начало действовать: юный охотник мог уже вставать и ходить – пусть и с трудом, через боль. Наверное, потому, что недоеденной лапы оставалось еще больше половины. С помощью Снежаны за весь день Пыхтун смог одолеть только густой отвар из его костей и еще немного мяса. Но чем меньше оставалось лапы, причинившей ему вред – тем лучше чувствовал себя раненый. К вечеру юный охотник даже смог отломать страшные медвежьи когти и стал прокручивать в одном из них дырочку острием кремниевого шила. На третий же день, морщась при каждом шаге, Тигриный Волк уже гулял по траве, с наслаждением вдыхая свежий прохладный воздух и любуясь бегущими по небу облаками.

Селение отчего-то казалось пустым, словно дети Мудрого Бобра вдруг все вместе ушли на охоту. Только Хромой Зубр, прислонив к священной иве два гарпуна и копье, сидел рядом на своем любимом пеньке и размеренно обстукивал гладко окатанный голыш, превращая его в узкие острые пластинки. Охотником старик не был, а потому вместо удобной теплой куртки шил себе простую короткую тунику без украшений, а вместо капюшона обходился повязкой через лоб и уши, которая и от холода помогала, и пот впитывала, и волосы удерживала, когда отрасли. Ныне, правда, они у опытного мастера, как и у всех, всего на три пальца успели отрасли. И выглядели уже серыми, словно выцветшими.

– Хорошего тебе дня, дядюшка Зубр! – остановился рядом Тигриный Волк.

– И тебе милости духов, охотник, – согласно кивнул мастер. – Вот, Тихая Бабочка три ножа у меня испросила. Старые, говорит, выкрошились. Подгоню, пока светло, а вечером на рукояти насажу. Ей костяные не нравятся. Из ореха вырезать пришлось. Зимой снегом несколько ветвей обломило, я и подобрал. Ныне пригодились.

– Чужой Голос захотел сделать своей жене подарок? Я знаю, у тебя получают самые лучшие ножи, Хромой Зубр! Раз делает не сам, значит, хочет побаловать.

– Нашему шаману ныне не до ножей, Тигриный Волк, – покачал головой мастер. – Духи отчего-то разозлились на наш род и насылают беды одну за другой. Они забрали Тихого Ужа и Гнездо Осы, они забрали Медвежьего Хвоста, они забрали три наших лодки. Они гnevаются на нас и не говорят, почему...

– Медвежий Хвост? – удивился Пыхтун. – Его тоже порвал медведь?

– Ты разве не знаешь? – Хромой Зубр отложил камень, собрал налущенные тонкие пластинки. – Медвежий Хвост вчера не вернулся из леса. Легкий Вечер умчался искать его следы. Но мы уверены: его выбрали и забрали духи Овражного осинника. Он шел туда.

Именно так племя Мудрого Бобра чаще всего лишалось своих охотников, женщин или детей: они уходили в лес за дровами или хворостом, за ягодами или медом, за камышами или добычей. Люди уходили, скрывались за деревьями в лесной чаще и... больше никогда не возвращались. Духи забирали их к себе. Каждый человек знал, что рано или поздно, но выбор падет и на него. Однако лес кормит, обогревает, одевает. Не ходить в него совсем просто невозможно. Остается только надеяться на удачу и милость духов, чаще всего забирающих уже совсем старых, слабых и медлительных людей. Таких, как Медвежий Хвост, увидевший не только своих детей, но и детей своего сына.

– Три дня, три лодки, три человека... Как много... Да, духи в гневе, – согласился юный охотник.

– Шаман творит обряды ночами и днями. Спрашивает, чем мы навлекли их гнев? – перебирая пластины, продолжил Хромой Зубр, – но у него ничего не получается. Сегодня все взрослые охотники ушли в святилище простить Мудрого Бобра заступиться за племя перед духами. Женщины тоже куда-то пропали.

– Снежана здесь, – задумчиво поправил Пыхтун.

– Снежана ухаживает за тобой. Да, как ты себя чувствуешь? Спина не тревожит? Мы все боялись, что медведь ее сломал.

– Пока болит. Но осталось съесть всего несколько кусков, и лапа закончится.

– Завтра будешь здоров, – понимающе кивнул мастер.

Лисья лодка

На рассвете шаман Чужой Голос, надев поверх оленьих штанов и куртки красивую бобровую накидку, а на голову – шапку с десятью белыми хвостами, завел долгий танец вокруг священной ивы, что была первой обительницей холма племени Мудрого Бобра, первой из всех коснулась корнями этой земли и первой увидела здешнее небо и солнце. Он просил духов о милости, а древнее дерево – о заступничестве.

Пока шаман пел и плясал, кружился, постукивая в бубен, к священной иве подходили охотники, рассаживаясь в круг прямо на влажную от росы траву, поджимая под себя ноги и раскладывая рядом топоры и гарпуны. Сидеть с ними за поясом было очень неудобно, однако недавнее появление медведя показало, что оружие у мужчины всегда должно оставаться под рукой.

Когда на совет подошел Тигриный Волк, демонстрируя поверх куртки богатое ожерелье из клыков, песню шамана уже слушали Хромой Зубр, Ломаный Клык, Храбрый Рык и Быстрый Олень, одетые как для похода: в теплых куртках с капюшонами и потертых поршнях толстой кожи. Почти сразу за Пыхтуном появились Белый Камень и Сильный Лосось, а за ним – и взъерошенный Легкий Ветер.

– Да будут духи милостивы к нам! – закончил свой танец Чужой Голос и, тяжело дыша, даже не сел, а рухнул между Белым Камнем и Быстрым Оленем.

– Я выследил ее! – качнувшись вперед, сказал охотникам Легкий Ветер. – Медвежий Хвост не ушел к духам! Его загрызла волчица! Я нашел след, я знаю, в какую сторону она ушла! У нее логово возле Дальней топи. Нужно ее убить!

– Матерая волчица опытна и хитра, – рассудительно ответил Белый Камень. – Скрасть ее очень трудно. Это долгая и непростая охота для всего племени. Ныне для всех важно иное.

– Но она загрызла Медвежьего Хвоста! – вскочил Легкий Ветер.

– Пойми, сын, в роду осталось всего две лодки! – ответил ему Сильный Лосось. – Мы не сможем накопить припасов для зимы.

– Тогда я сам! – выкрикнул Легкий Ветер. – Я сам выслежу и убью ее!

Молодой охотник в горячке даже зарычал, махнул рукой и убежал от священной ивы.

– Они с Медвежьим Хвостом были очень дружны, – извинился за него Сильный Лосось. – Ему трудно смириться с выбором духов.

– Ты прав, – согласно кивнул Белый Камень и, словно не заметив поведения Легкого Ветра, продолжил: – Две лодки медведь попортил, одну так и не нашли. У нас две лодки. Они способны унести только четверых мужчин. Четверым не загнать и не скрасть большого зверя, на двух долбленках большой добычи не увезти. Двух лодок мало, даже если только половина охотников захочет отправиться к дальним стоянкам за добычей. Рядом с селением охота плохая. Без лодок нам хорошего припаса не собрать. Зимой голодать придется.

– Попробуем уходить к дальним стоянкам пешими, – предложил Быстрый Олень.

– Пешему только возле селения ходить просто, – ответил Храбрый Рык. – В двух днях пути хоженной тропы уже не найти, ручьев и оврагов полно, да еще деревья упавших. Так быстро, как на лодке, к дальним стоянкам не доберешься. На спине столько мяса, сколько в лодку кладем, никому не унести. И волокушу летом нигде не протащишь. Льда нет, а через лес с ней не пробиться.

– Я знаю, – спокойно кивнул Быстрый Олень. – Но пешком можно дойти, устроить шумный загон и уйти. А добычу пусть везут те, кто на лодках.

– Двух лодок все равно слишком мало, дабы привезти еды для всего рода и сделать припасы, – степенно произнес Хромой Зубр. – Нужно выдалбливать новые. У тебя ведь есть танцующие осины, Чужой Голос?

– Их пять, – ответил шаман. – Но они еще малы. Нужно посмотреть.

– Долбить лодку долго и трудно, – сказал Хромой Зубр. – Одному не справиться. Трудиться придется всем. И всех нужно кормить.

– Тихий Уж обмолвился, к Дальней Топи олени пришли! – поднялся Тигриный Волк. – Коли облаву сделать, можно для всего племени мяса добыть. И в запас, и для тех, кто долбит. Досыта накормим, пусть делают!

– Тебя медведь помял, тебе нельзя, – осадил его Чужой Голос. – Веслом грести начнешь – совсем спина порвется. Пусть сперва зарастет хорошенько. Со мной пойдешь. Еще я Белого Камня, Выпика и Клеста заберу.

– Они же не охотники! – напомнил Тигриный Волк.

– А мы не за добычей. Пусть запомнят, где танцующие деревья есть, коли без меня найти захотят.

– Дров надобно побольше, – стал загибать пальцы Хромой Зубр, – долота старые потеряны давно, ель свежую на распор точить придется.

– Я пойду в загон к Дальней Топи, – решил Белый Камень. – Быстрый Олень, Храбрый Рык и Ломаный Клык – со мной. Ты, Сильный Лосось, с сыном дрова заготовь, и ель, Хромой Зубр об остальном позаботится. Тигриный Волк и старшие мальчики с Чужим Голосом идут. Все согласны? Тогда собираемся, день еще длинный. Сделать лодку в одиночку никому не по силам. Всем селением братья надобно. Надеюсь, духи больше не держат на нас зла и хоть немного подсобят.

Пока шаман собирал подростков, Тигриный Волк сбегал домой, предупредил Снежану, взял легкий гарпун, увенчанный длинным зазубренным острием из оленьих ребер, и вернулся к священной иве. Мальчики уже приплясывали здесь, предвкушая поход к чему-то неведомому. Каждому из выбранных помощников Чужой Голос вручил по тяжелому мешку из листьев рогоза и повел всех по нижней приречной тропе, опираясь, словно на посох, на тяжелое толстое копьё с каменным наконечником и ленточками из беличьих шкур, что болтались под залитой клеем обмоткой. За Чужим Голосом, все еще поеживаясь от боли в спине, шагал Тигриный Волк, настороженно поглядывающий по сторонам. Позади торопились Клест и Выпик – тоже с гарпунами.

Они, понятно, были еще малы, обряда посвящения не прошли и охотниками не считались – но обитатели леса редко интересуются тем, достоин ли встреченный человек вступить с ними в схватку или нет? Для начала они пробуют замеченных подростков на зуб... И только топор или копьё иногда заставляют их передумать.

Большая Река своими прохладными волнами намыла по краю русла ровный и чистый песчаный берег, идти по которому было легко и быстро. Здесь путников не сильно задерживали даже отдельные поваленные деревья, уронившие в стремнину свои густые кроны. Перемахнуть через них, опираясь на прочные древки копий, было совсем не трудно. У ближней протоки Чужой Голос отвернул в чащу, осторожно пробрался вдоль русла через густой малинник, повернул к пахнувшей прелостью низине, из которой вытекал небольшой ручей, и там остановился:

– Вот, смотрите. Эта осина захотела танцевать, когда ты, Клест, еще только появился на свет. Мыслью, лодка, которая из нее получится, будет носить твое имя.

– Почему мое? – не понял паренек.

– Потому, что она открылась в тот год, когда Великая Праматерь принесла тебя в дом Быстрого Оленя и Звонкой Иволги, – нравоучительно повторил непонятливому подростку шаман и ласково погладил кору дерева ладонью: – Мы знаем о твоём желании, дух ивы. Мы стараемся его исполнить. Потерпи, и настанет твой день...

Дерево было еще совсем молодым и имело толщину всего лишь с голову человека. От корней и до нижних ветвей его тянулась длинная трещина, из которой примерно на локоть

один от другого торчали деревянные клинья. Чужой Голос развязал свой мешок, достал из него несколько точно таких же, но недавно выструганных распоров, выбрал один, вставил в запыленную щель, ударами топора загнал так глубоко, что края древесины начали сминаться, а старый закачался и выпал наружу. Потом выбрал другой клин, вбил его на локоть выше предыдущего. Подобрал выпавшие, сложил вместе, тоже вбил, уже выше, расширяя щель, насколько можно.

– Это же сколько нужно бить, чтобы лодка получилась? – изумился Выпик.

– Всю жизнь. Каждую весну кто-то из вас будет приходить сюда и вбивать в трещину новые клинья, дабы она становилась на половину пальца шире, – складывая обратно свой мешок, объяснил шаман. – Когда осина вырастет достаточно большой, а щель станет достаточно широкой, ваши дети смогут ее срубить и выдолбить лишнее. И у них появится новая лодка. Меня к тому дню уже давно уведут духи, вам придется делать это самим. Посему запоминайте путь.

Чужой Голос закинул мешок за плечо и стал выбираться из малинника обратно к реке. Подростки, переглянувшись, поспешили следом. Тигринный Волк чуть задержался, заглянул в трещину, дунул, просунул ладонь. Она втиснулась еле-еле, впритык. Юный охотник попытался хоть примерно посчитать, сколько раз нужно сюда приходить и бить, бить, бить по клиньям, чтобы получить обычную для долбленки ширину в пять-шесть ладоней – и не смог. Наверное, как и сказал шаман – всю жизнь. А может, и не одну.

Он поспешил вслед за остальными, громко спросил:

– Чужой Голос, а почему эти осины называются «танцующими»?

– Разве я не рассказывал? – оглянулся шаман. – Хотя, наверное... При тебе наше племя ни одной лодки еще не сделало. Вот ты и не знаешь, как у людей появились самые первые лодки. Это случилось давно. Очень, очень давно. Тогда, когда среди потомков Мудрого Бобра жил сильный и знающий шаман по имени Большая Волна. Он не был хорошим охотником, но духи вод слушались его больше других. Он мог вызвать или остановить дождь, отпугнуть половодье или заставить рыбу выпрыгивать на берег. Благодаря его стараниям люди жили так сытно и безмятежно, что им начали завидовать даже духи. Не все. Иные из духов деревьев порадовались за людей и даже пожелали тоже жить в племени, тоже стать людьми нашего рода. Пировать с нами, танцевать у костра и пить вкусный густой мясной вар. Но в те далекие времена никто не знал, как можно это сделать.

Чужой Голос перемахнул ручей, оглянулся, дожидаясь остальных, и продолжил:

– И вот однажды дух осины, сильнее прочих желавший войти в род детей Мудрого Бобра, с такой силой рванулся из дерева навстречу Большой Волне, что на дереве лопнула кора и потрескался ствол, и он смог вырваться наружу. Выйдя из ствола, дух осины обратился к великому шаману и спросил: как ему стать человеком? Как научиться вместе с нами пить вкусный, сытный вар, веселиться и танцевать у огня? Шаман пожалел осину и захотел ей помочь, но он тоже не знал способа, как сделать дерево человеком. Он долго, долго думал, но так и не смог догадаться, что для этого нужно? Тогда пошел к духам воды, что намного сильнее духов деревьев, и спросил у них: как можно сделать осину одним из детей Мудрого Бобра, чтобы оно жило в племени вместе с людьми, вместе с ними веселилось, охотилось, пило, ело и танцевало?

– Я знаю! – крикнул Выпик. – Из осин нужно вырезать людей! Духи останутся в них, и они станут детьми Бобра.

– Большая Волна поначалу тоже хотел так поступить! – подняв лицо к небу, громко сказал Чужой Голос. – Но разве могут деревянные человечки пить воду и танцевать, как живые? И потому он все же пошел к духам воды. Духи ответили, что, если он пожелает, то легко сможет научить дух осины стать одним из нашего рода. Пусть Осина обнимет его и вместе с ним войдет в воду. Тогда они смогут танцевать в реке, как люди, а духи воды помогут им навсегда стать близкими друзьями. Потом Осину нужно вдосталь напоить горячим мясным варом,

чтобы она ощутила вкус жизни племени. А потом ее нужно будет брать на охоту, чтобы вместе с людьми она радовалась богатой добыче или тосковала от голода. Вместе с ними путешествовала и носила припасы. Только тогда дерево сможет стать настоящим охотником, одним из людей, таким близким другом для всех, что племя уже не сможет обходиться без нее, как не может обходиться без храбрых охотников или ласковых матерей.

Шаман остановился, оглядываясь. Высмотрел что-то на противоположном берегу, обвел глазами склон, под которым стояли путники, облегченно вздохнул:

– Вот он! – Чужой Голос указал на край мшистого валуна, почти неразличимого среди папоротника и под толстым слоем мха. – Совсем зарос. За ним вторая осина должна стоять.

– Так Большая Волна помог духу дерева? – спросил Клест.

– Конечно, помог, – кивнул шаман. – Он пошел к дереву и сказал духу, как нужно поступить. Тот поднатужился, раскрыл свой ствол, словно руки, крепко сжал Большую Волну в своих объятиях и вместе с ним упал в воду. На волнах реки они много кружились, пока поплыли к своему селению. А потом Осину с радостью и весельем встретили остальные дети Мудрого Бобра, они пировали и веселились, они поили Осину горячим вкусным варевом, а потом с нею отправились на охоту, что стала обильной на удивление. Духу осины очень понравилась такая жизнь, и он остался с людьми навсегда, стал самым важным их другом, одним из самых уважаемых охотников в племени и с тех пор уже никогда с нами не расстается. Так и повелось с тех давних пор, что, когда дух дерева желает попасть в наш род, он выходит из своего ствола. Когда мы видим в лесу осину с треснувшей корой и стволом, то помогаем ей вырасти настоящим, большим и сильным, крепким охотником, а потом забираем в племя, щедро поим и угощаем и всегда берем с собой на охоту и в путешествия, дабы дух дерева стал одним из нас и радовался веселой и сытной жизни. Таков наш обычай. Поэтому запомните: если вдруг увидите в лесу молодую осину с трещиной на коре, сразу бегите ко мне. Это знак духа, ищущего дружбы с нашим родом!

С этими словами Чужой Голос сбросил мешок на берегу и пошел через папоротник, раздвигая траву древком копья. А то ведь ненароком и на змею можно наступить. Шагая за ним след в след, подростки поднялись на склон и увидели старую, могучую осину с раскидистой кроной. Ее ствол тоже был широко раздвинут клиньями, но щель достигала в ширину больше трех ладоней. Само же дерево оказалось таким толстым – не обхватить.

– Дождалась, – ласково поглаживая кору, обрадовал осину шаман. – Вот ты и дождалась. Ты нужна нам. Мы зовем тебя к себе в племя.

– В такую щель охотнику не сесть, – шепотом предупредил Тигриный Волк.

– Я знаю, – согласно кивнул Чужой Голос. – Но дух этого дерева пожелал стать одним из детей Мудрого Бобра еще в тот год, когда появилась Белая Лиса, мать твоей жены. Его нашел мой отец и назвал ее именем. Это самый старший дух из всех, пожелавших стать охотником. Остальные намного моложе. Этой осине хорошо бы еще подрасти. Но селению нужна лодка ныне, а не потом.

– Мы будем ее рубить?

– Завтра, – покачал головой шаман. – Я лишь хотел проверить, цела она или нет. Ведь деревья часто ломает бурями или зимним снегом. Иногда дятлы пробивают их насквозь, иногда прогрызают белки, куницы, иногда ствол рвется напополам. Тогда дерево невозможно позвать в селение, и дух остается в лесу. За свою молодость я нашел десять осин с трещинами, еще пять мне показал отец. Из отцовских уцелело только это, из моих – четыре... – шаман грустно вздохнул, махнул рукой: – Ну ладно, Лисью осину проведали, пойдем дальше.

– Они все токмо навстречу реке стоят, али ниже по течению тоже есть? – поинтересовался Выпик, отряхивая паутину с длинной, еще отцовской, замшевой куртки.

– Не сказывал мне никто о танцующих деревьях ниже поселка, не сказывал, – развел руками Чужой Голос. – Либо нет там духов, что людьми стать желают, либо охотники на тако-

вых внимания не обращают. Хоть вы внимательнее смотрите, когда за дровами или камышом отправляетесь!

Люди снова спустились на песчаную полосу у воды, зашагали дальше. Берег постепенно повышался, на холмах сплошь тянулись прозрачные и едко пахнувшие горячей смолой сосновые боры, местами с кудрявым можжевельником. До влажной низины путники добрались уже далеко за полдень:

– Смотри, Тигриный Волк, твоего имени деревце, – указал шаман на качающиеся над густым ивняком ветви. – Ну, ты уже понимаешь, почему...

Они с юным охотником пробрались через прибрежные заросли, и шаман негромко выругался: ствол дерева заметно повернулся в правую сторону вместе со вбитыми в щель клиньями.

– Ну, что ты будешь делать! – разочарованно махнул рукой Чужой Голос. – Раз закручивать начало, то пока вырастет, щель и вовсе поперек окажется. Как из него тогда лодку долбить? Вот и осталось у нас теперь всего три танцующих духа. Хоть с ними бы все хорошо было!

Последние из деревьев, желающих войти в племя потомков Мудрого Бобра, выглядели вполне ровными и крепкими – но слишком тонкими. Одно немногим превосходило толщиной самую первую, Клестову осину, однако щель в ней не дотягивала до двух ладоней в ширину, другое же сделало выбор совсем недавно, и щель в нем была от силы в палец размером. Осмотрев оба, шаман вбил в стволы новые толстые клинья. Старые, вывалившиеся, собрал в мешок:

– Может, еще пригодятся. Однако, дети, если мы не найдем новые осины с трещинами, если не начнем готовить их к вступлению в племя ныне, то вашим детям придется ходить пешком. Старые лодки сгниют, новые долбить будет не из чего. Люди без лодок – голодные люди. Вам придется бросить свои дома и вместе с женами и детьми бродить по лесам с места на место, выискивая богатые охотничьи угодья, останавливаясь среди них на пару лет, а потом уходя, когда они опустеют. Вы будете ночевать в холодных чумах из жердей, а все ваше богатство будет ограничено лишь тем, что вы сможете унести на собственных спинах! – Шаман обвел спутников суровым взглядом и предупредил: – Коли не найдете новых танцующих деревьев, ходить вам по лесам пешими и с пустым брюхом! За одно-два лета лодки новой осины не вырастить! Сегодня о потомках своих вам думать надобно, сегодня! Сегодня поленитесь – завтра сгинете бесследно, и даже духи не смогут вас найти, дабы забрать в свой невидимый мир.

– Мы будем искать, Чужой Голос! – приглушенно пообещал Клест.

– Ищите! – твердо, словно приказывая, кивнул шаман. – Теперь возвращаемся. Завтра у нас будет тяжелый день.

Не оглядываясь, он зашагал к Большой Реке, повернул вниз по течению. Тигриный Волк забросил за плечо свой мешок с клиньями, но тут его за край одежды придержал Клест, вынуждая пропустить Выпика вперед.

– Ты чего? – не понял Пыхтун.

– Я спросить хочу... – Паренек выждал, пока шаман и Выпик уйдут подальше, поднял свой мешок и повернулся к юному охотнику: – Скажи, Тигриный Волк, как ты проник в мир духов, как попал на их испытание?

– Я не проникал, Клест, они сами взяли. Желания не спрашивали.

– А как они связали тебя со Снежаной?

– Чем связали? – не понял юный охотник.

– Но ведь ты же с ней... – запнулся Клест, подбирая слова. – Все племя видело, как вы стремитесь друг к другу! И она дни считала, пока женой тебе стать сможет, и ты ни на кого ее не променял, вопреки всем пошел. И против шамана, и против родителей. Секача один взял, лишь бы именно ее истребовать, ни на какую другую не променял! Это же какая сила в тебе должна была быть, чтобы свершить этакое?

– Мы просто хотели быть вместе... – пожал плечами Тигриный Волк. – Пускай она еще маленькая, но ведь она вырастет! А мне, кроме нее, другие девушки не нужны.

– Вот видишь, – кивнул паренек. – Ты уверен. Накрепко. И ничем твоё желание быть с нею не переломить. А я опасаюсь. Ошибиться боюсь.

Юный охотник промолчал, выбираясь на берег реки, Клест забежал чуть вперед, пошел рядом:

– Мне Шепот Мотылька очень нравится, – тихо признался он. – Она красивая, улыбочивая, в руках у нее все всегда спорится. Смотрю на нее, и даже в груди изнутри что-то как пощипывает.

– Будущим летом пройдешь посвящение в охотники, добудешь зверя, сделаешь себе ожерелье – и попросишь у шамана его дочь.

– Тебе хорошо говорить, у тебя ожерелье уже есть! И через обряд тебя духи провели. А Быстрый Ветер, вон, еще когда посвящение прошел! А ожерелье хорошее только после охоты начал копить, когда вы с волками столкнулись. И то еще никого не попросил. А вдруг он Шепот Мотылька попросит?

– Ему Луговой Цветок нравится.

– Он с ней на празднике Праматери споткнулся. Может теперь и передумать.

– Спроси у него.

– Я бы спросил... Вот только... Вот только Луговой Цветок мне тоже нравится! Она тоже красивая. Тоже хозяйственная. Я видел, как ловко она плетет циновки и скоблит шкуры. Она очень хорошая девушка.

– Так кто тебе нравится больше, Цветок или Мотылек?

– Мотылек! – уверенно ответил Клест. И тут же добавил: – Наверное...

– Ты смеешься надо мной? – нахмурился Тигриный Волк.

– Нет, как раз наоборот! – опять зашептал Клест. – Я хочу спросить. Хочу узнать у тебя: как это бывает, когда ты выбрал именно ту, что будет твоей? Так, что всех прочих и видеть не желаешь? Как ты это понял? Что ты почувствовал? Почему именно она, а не другая? Почему ты не пожелал смотреть ни на Мотылька, ни на Цветок, ни на Ласку, ни на Голубку? Что ты такое в ней увидел? Как ты определил, как это понял?

– В Снежане? – задумался юный охотник, но ничего такого особенного, отличного от других девушек племени, вспомнить не смог. Ведь то, что она еще совсем маленькая – вряд ли можно было назвать достоинством. Хотя дом Снежана держала в порядке, ничуть не хуже любой другой, самой взрослой женщины. И потому Пыхтун лишь снова пожал плечами: – Просто мне не нужен никто, кроме нее, и все.

– Тигриный Волк, но ведь мы с мальчиком Пыхтуном всегда были друзьями, помогали друг другу, вместе играли и ходили за дровами... Скажи правду, как мне понять, кто мне нужен: Шепот Мотылька или Луговой Цветок? Ведь если я выберу одну, то уже никогда не смогу подойти к другой. Мне вроде и Мотылек нравится, и ошибиться страшно, Цветок потерять... Вот ты, как ты понял про Снежану?

– Духи выбросили нас на берег, – ответил Тигриный Волк. – Мы вместе обживались, разговаривали, играли... Поговори с Шепотом Мотылька, Клест! Поговори о том, какой хотел бы иметь дом, как его украсить, каких ожидаешь детей от Великой Праматери. Вдруг она думает о другом? Вот у нас со Снежаной все мысли и желания одинаковые. Да, правильно! Поговори. Скажи, что она кажется тебе самой лучшей. Но, может, ей не захочется одной хлопотать в большом зимнем доме? Может, ей с родителями больше нравится? Или хочется, но с кем-то другим.

– А если она согласится? Тогда получится, что я ее уже выбрал!

– На что согласится? У тебя ведь еще нет ожерелья охотника! Ты даже посвящения не прошел. Когда еще все это случится? Но если откажется, тогда смело к Цветку подойти сможешь.

– Да, правда! – восторженно воскликнул Клест. – Пока я еще смогу ее испросить. Может, оно к тому дню и забудется? Правда! Нужно ныне спрашивать, пока ожерелья нет. Охотнику колебаться уже поздно выйдет. Охотнику придется брать себе жену навсегда.

И паренек быстрым шагом поспешил вперед, словно впереди, по самой кромке воды, шел не Чужой Голос, а красивая дочь шамана.

Однако в этот вечер Клест никого и ни о чем спросить не успел. В селение путники вернулись уже очень поздно, в темноте, а на рассвете шаман, не дав ни толком позавтракать, ни собраться, ни даже прихватить гарпуны, опять повел подростков и юного охотника вверх по реке. Они снова несли тяжелые мешки – но на этот раз в них были не деревянные клинья, а толстые длинные веревки, сплетенные из жилистых листьев вездесущего рогоза.

Быстрым шагом, почти бегом, они домчались до Лисьего дерева, где Чужой Голос тут же послал запыхавшихся Выпика и Клеста наверх – привязывать веревки к ветвям кроны. Сам же вместе с Тигриным Волком взялся за топор, подрубая осину под самый корень.

Тяжелый и острый камень впивался в древесину легко, как во влажную глину, рассекая тонкую кору и волокна под ней.

– Не торопись! – приглядывал за работой охотника Чужой Голос. – Руби чуть ниже трещины и наискось, чтобы нос острый у лодки получился. А то второй раз делать придется. Кргда глубоко зарубишься, сбоку щепу подрезай. Так проще получится.

Подростки уже накрепко привязали веревки и спрыгнули вниз, а мужчины все еще стучали и стучали топорами, вгрызаясь в белую влажную древесину. Солнце уже приблизилось к зениту, когда осина наконец-то издала жалобный треск. Шаман выпрямился, отступил, указал Выпику и Клесту в сторону реки:

– Беритесь за веревку и дергайте на себя! Со всех сил! Как падать начнет, отбегайте. Тигриный Волк, в стороне пока постой.

Подростки натянули плетеные канаты, старательно упираясь пятками в землю. Дерево снова хрустнуло, но устояло. Шаман походил кругом, короткими сильными ударами подсек основание с одной стороны, с другой – и уже после третьего надруба огромная осина грустно охнула, издала череду оглушительных тресков, после чего, обламывая ветви соседних лип и кленов, и дождем рассыпая листву, повалилась чуть не на голову Клеста – тот еле успел отскочить в сторону, уворачиваясь от толстых сучьев. Чужой Голос кивнул, нанес по комлю несколько завершающих ударов – и дерево окончательно соскочило с пенька на землю.

– Теперь крону, – указал он Тигриному Волку. – Иначе с места не сдвинем.

Шаман и охотник снова заработали топорами, наискось перерубая толстый ствол немного выше трещины, каждый со своей стороны. Они уже успели изрядно устать, а потому работали по очереди, чтобы меньше мешать друг другу. Наконец крона с обиженным хрустом оторвалась от ствола, просев немного среди ближнего ивняка. Чужой Голос сел, отер пот со лба, ткнул пальцем:

– Выпик, Клест, петли по эту сторону накиньте...

Переведя дух, потомки Мудрого Бобра снова взялись за работу, встав по двое с каждой стороны и накинув на плечи свободный конец веревки. Поднатужились, отрывая один конец отрубленного хлыста от земли, медленно зашагали вперед, волоча его за собой. Второй конец ствола с шорохом волочился за их спинами, и только редкие щелчки и хруст намекали, что он ломает подлесок на своем пути, а толчки подсказывали, когда ствол переваливал торчащий из влажной, перепрелой старой листвы корень или невидимый камень.

Путь до реки был не дальним, но долгим, и когда будущая лодка с плеском упала в воду, люди рухнули вместе с ней, наслаждаясь холодной весенней водой, смывающей пот и уносящей усталость.

– Самое тяжелое позади! – утешил их шаман. – Вот только день кончается. Тигриный Волк, сходи за мешками нашими, топоры заberi. За лесом присматривай, дабы зверь какой из темноты не прибрел. А мы пока первый танец начнем...

Еще немного подтянув располовиненный глубокой трещиной кряж, подростки пустили его по течению, удерживая за веревки, и радостно побежали следом. Дерево, попав в слабые речные волны, и правда «затанцевало» – пусть и не так красиво, как это делал шаман, но заметно и весело переваливаясь с боку на бок, то наматывая на себя канаты, то скидывая их и широко раскачиваясь.

– Теперь понятно, отчего никто не хочет отыскивать танцующих духов вниз по реке, – сообразил юный охотник. – Чтобы коряги против течения не таскать. И так сегодня наволохались, ноги еле ходят...

След от протасенной волоком заготовки был ровным и широким. Тигриный Волк сбегал по нему к разлохмаченному пню за оставленным инструментом, после чего помчался догонять детей. Мальчишки тоже неслись со всех ног вслед за увлекаемой водой колодой, лишь изредка поддевая ее, дабы не откатилась на самую стремнину и не скинула там своих пут.

Засветло к селению они, конечно же, не успели – но дети Мудрого Бобра терпеливо ждали будущего охотника, пожелавшего превратиться в человека из духов дерева. Ждали с кострами и факелами, с наваристым супом, густой аромат которого стелился во все стороны далеко по реке. Появление шамана и подростков, удерживающих длинное тяжелое бревно, племя встретило громкими радостными криками. Мужчины и дети кинулись навстречу, обнимая Клеста и Выпика, подтянули колоду и, облепив ее, словно муравьи, споро вытащили наверх, к самому котлу. Женщины, зачерпнув горячего варева, подали его уставшим мужчинам и подросткам. Выпик с Клестом тут же жадно припали к угощению, однако Чужой Голос подошел к треснувшему бревну, окропил его сверху:

– Попробуй, дух, нашей пищи!

Вовремя успевший это заметить, Тигриный Волк, приняв от Снежаны полный до краев черпак, тоже повернулся к колоде, щедрой рукой вылил все в трещину:

– Узнай, дух, что едят те, кто стал хорошим охотником!

– Охотником! – подхватили на два голоса его обращение Хромой Зубр и Белый Камень. – Ты станешь настоящим охотником! Быстрым и сильным! Ты станешь другом каждому из нас! Но ты должен пройти испытание! Завтра ты должен пройти испытание! Ты пройдешь испытание и сможешь сытно есть, много охотиться, плясать и веселиться!

– Завтра испытание у нового охотника! Завтра испытание у нового охотника! – подхватили остальные люди племени.

– Будем праздновать эту радость! – крикнул шаман.

– Будем праздновать! – вторили дети Мудрого Бобра, вычерпывая из общего котла глубокими берестяными черпаками горячее варево, отходя в сторону, выпивая через край жигу и вылавливая пальцами длинные мясные волокна, если таковые попадались.

Снежана добыла угощения и себе, и мужу, принесла, вручила ему, сама же присела рядом на траву, поджав ноги.

– Ты самая заботливая из всех жен, – благодарно кивнул юный охотник. – Если бы не ты, я бы умер с голоду.

– Не ври, Пыхтун, – довольно улыбнулась девочка. – Ты лучший охотник, ты никогда не останешься голодным.

– Я просто кручу мясо над вертелом. А умеешь делаешь его вкусным, – ответил Тигриный Волк, раздумывая над тем, можно ли считать первую похвалу за две?

– Нужно просто выбирать травы с ароматом. Есть корешки с острым вкусом. Если их добавлять, все получается вкуснее, – пояснила юная хозяйка, прихлебывая горячий суп. – Хочешь, научу?

– Зачем? – не понял Тигриный Волк. – Я ведь уже забрал тебя целиком, вместе со всей твоей мудростью. Теперь у меня дома и так самые вкусные лакомства.

Снежана разом допила свой ковшик и прильнула к нему щекой:

– Ты самый-самый из всех охотников, Пыхтун! Я так рада, что духи подарили тебя именно мне! Хочешь, еще вкусняшки принесу?

– Потом. Как жидкое выхлебают, можно будет кость какую-нибудь мясную вытащить. Чего водой зазря наливать?

– Тогда пошли к костру, покружимся?

– Нет-нет-нет! – испуганно вскинул руки Тигриный Волк. – Я сегодня набегался и накружился за двоих. И спина опять разболелась. Ничего не хочу.

– Но Лисья лодка должен понять, как хорошо будет ему в нашем селении, если он пройдет испытание!

– Так все уже все знают эту легенду? – удивился юный охотник.

– Белый Камень рассказал, – кивнула девочка. – Оказывается, последнюю пирогу делали так давно, что даже взрослые почти забыли, как правильно встречать духа и праздновать его согласие.

Между тем, обитатели селения у Большой Реки, радуясь возможности повеселиться, кружились на освященной костром поляне, покрикивали, прыгали и бегали рядом с высоким пламенем, время от времени зачерпывая из котла сытного супа. Не каждый день и не в каждой семье племени Мудрого Бобра удавалось наесться вот так, до отвала – столько, сколько захочешь.

Наконец над селением прокатились удары шаманского бубна. Но Чужой Голос призывал не к веселью, а к вниманию:

Бум!!!

– Повстречал давным-давно охотник Могучий Медведь танцующего духа! – нараспев начал он новую легенду. – Был печален дух осины! Тосковал заросший в землю! Он хотел бежать по волнам, он мечтал просторы видеть. Но вокруг стояли стены из кустов и старых вязов. Не видать за ними света, не проникнуть ветру к духу. Душно, сыро, одиноко духу сильному казалось. Но пришел к нему охотник, взял с собой к реке прохладной, показал осину волнам, показал ветрам и солнцу. Закружились вместе дружкой дух осины и Медведя. Вместе по реке ходили и по всем ее притокам, вместе грелись жарким летом и зимою мерзли вместе. Вместе брали дичь загоном, вместе на силки ловили.

Бум-м-м! – снова ударил бубен.

– Только вдруг напали волки на друзей ужасной ночью, разорвали их добычу, растащили копыта, сумки. Медведь дрался очень храбро против своры ненасытной, но один волчара ловкий вдруг порвал ему полгорла. И упал охотник оземь, слабым став и беззащитным. Лишь сказал себе печально, что уходит ныне к духам. Но поймал его на спину верный друг по многим летам! Спрыгнул в волны и унесся он широкими ручьями. Мчались волки ночь за ночью за добычей своею, но стоптали себе лапы лишь напрасною погоней. Дух танцующий осины, на спине своей качая, вынес друга к дальним рекам, людям издавна знакомым. Там прибился он у пляжа, над которым вились дымы, и стал бортом бить о камень, стучком помощь призывая.

Бум-м-м! – снова отозвался бубен.

– Так спасен был лучшим другом тот охотник знаменитый! И с тех пор все люди знают, что равны своею силой лодки их любому зверю. И что дружба их надежна, а отвага непомерна. Так признали все-все дети Мудрого Бобра потомки, что танцующие духи уважения достойны. В племена с тех пор старинных равными их принимают, чтут почетом и заботой, именами наре-

кают... – Шаман вдруг оборвал заворожившее всех повествование и громко сказал: – Пусть наш новый охотник, танцующий дух из Глухарьего леса, успешно пройдет завтрашнее испытание! Пусть будет уважаем, как предок его, танцующий дух Могучего Медведя! Мы ждем его сильным среди сильных в роду детей Мудрого Бобра!

– Пусть пройдет испытание! Пусть пройдет! – радостно подхватили все вокруг.

– Пора за мясом, – поняла Снежана и метнулась к котлу. Там она оказалась первой и вернулась с крупным сочным шматком из четырех оленьих ребер и куском спины. Откусывая от него по очереди, Пыхтун и его подруга быстро расправились с угощением. Уставший за день охотник ощутил, как потяжелели веки, а мысли стали тягучими и несвязными.

– Ты вкуснее варишь, – пробормотал он пятую похвалу и поднялся. – Спина болит, как опаренная, не пошевеливаться. Пойду домой, вытянусь. Не сердись.

* * *

Испытание для танцующего духа оказалось совсем не таким, как для обычного охотника. Пока женщины разводили костер для разогрева большого котла, охотники племени обступили кряж и начали проверку на терпение. Каждый взял по долоту из узкого острого кремня, вклеенного в пропиленый на конце длинный, в локоть палки. Командовал обрядом Хромой Зубр, тут же приставивший к делу и Тигриного Волка:

– Смотри, – объяснил он, указывая в трещину, – ставишь острие на стенку, бьешь сверху поленом, сдвигаешь, снова бьешь. Лохмотья можешь выщипывать, можешь оставлять. Я потом срежу. Нужно изнутри лишнее дерево убрать, а то оно просто треснет, не развернется. Но сильно не старайся, дабы дыру сквозную не пробить. Понял?

– Что я, долбленок не видел? – даже обиделся юный охотник и принялся за работу.

Острая грань каменного долота глубоко впивалась в древесину от каждого удара – и это пугало Тигриного Волка больше всего. Ведь камень хрупок, и неловкий рывок мог легко обломать кромку, оставив ее в выбитой трещине. Но если не бить с силой – работа затянется надолго. Отколупывая щепы размером с палец, Пыхтун медленно вгрызался в осину, пока Хромой Зубр не заглянул в трещину:

– Хорошо получается. Глубже не надо, днище тонким получится, сгниет быстро. Теперь в стороны выбивай.

Тигринный Волк кивнул и стал продвигать выбоину влево, к лохмотьям, оставшимся от долота Белого Камня. К полудню юный охотник добрался до него, соединив выбоины, и стал выстукивать дерево с другой стороны. У него опять начала болеть зашибленная медведем спина, а руки тряслись от постоянных ударов. Даже сытный обед не доставил никакого удовольствия – Пыхтун мечтал бросить все и вытянуться на постели в уютном теплом доме, на мягкой шкуре. Но он был мужчиной и не показал слабости – первым доев угощение, тут же снова взялся за долото. Один за другим к нему присоединились остальные охотники, сосредоточенно выдалбливая нутро осинового бревна, пока Ломаный Клык вдруг не вскочил с недовольным криком:

– Да как же это случилось?! Танцующий дух отвернулся от меня!

– Он захотел обратно в лес! – тут же встрепнулись остальные охотники. – Он заскучал по лесу! По птицам, по птицам!

– Наш новый охотник скучает по лесу и по птицам, – с широкой улыбкой выпрямился Чужой Голос. – Он должен знать, что они есть и здесь.

– Ворону, покажи ему ворону! – выкрикнул Белый Камень.

– Ворону! – подхватили остальные.

Ломаный Клык снова ругнулся, но тихо, расставил руки и, помахивая ими, стал бегать вокруг кряжа, часто и громко каркая. Охотники расхохотались, следом послышался смех жен-

щин, заполняющих котел свежей водой. К Ломаному Клык подскочили трое малышей и принялись носиться следом, тоже взмахивая руками и каркая.

– Хватит, я полетел в лес за дровами, – сказал охотник и, каркнув напоследок, помчался вниз с холма.

– А почему это он? – тихо спросил Тигриный Волк у Белого Камня.

– Если у долота обламывается кончик, – охотно пояснил тот, – значит, танцующий дух не хочет становиться лодкой. Хочет обратно. Нужно показать ему, что у нас... О, нет! Духи снова в гневе!

Белый Камень поднял перед собой камень со сколовшийся наискось кромкой.

– Дух хочет в лес! – довольно засмеялись остальные. – Гуся! Покажи ему гуся!

Взрослый охотник по-детски обиженно поморщился, но перечить не стал: сел на корточки, поджал большие пальцы под мышки, похлопал локтями, словно крыльями, громко крикнул и вперевалочку, по-гусиному побрел в сторону реки. Но на середине склона поскользнулся и к пляжу скатился уже кувырком.

Отсмеявшись, остальные мужчины снова взялись за работу, но теперь были куда более внимательны. Только поздно вечером, когда солнце уже село за деревья, долото сломал Быстрый Олень. Его заставили изобразить глухаря на токовище, после чего Хромой Зубр решил, что танцующий дух прошел испытание и всем можно отдыхать.

Второй день стал началом праздника посвящения: теперь дети Мудрого Бобра, как и обещали, должны были напоить пришедшую к ним из леса осину горячим супом. Для этого охотники перенесли бревно поближе к общему очагу, подперли поленьями, чтобы не качалось, и по самые края наполнили водой. Хромой Зубр долго ползал вокруг, высматривая влажные следы, – но коряга нигде не протекала.

– Духи милостивы, – облегченно вздохнул он. – Хоть с этим повезло. Давайте греть!

– Духи не милостивы, они опять злятся, – шепнула Пыхтуну на ухо Снежана. – Легкий Ветер третий день из леса не возвращается.

– Может, просто обиделся? – пожал плечами Тигриный Волк. – Совет не захотел охотиться на волчицу, что напала на Медвежьего Хвоста. Мы решили, что лодка для племени важнее.

– Я тоже обижалась, когда маленькая была, – ответила женщина возрастом в восемь зим. – Но ночевать домой приходила!

– Он охотник. Охотники часто ночуют в лесу.

– Вот Сильный Лосось пока и молчит. Но все уже знают.

Хромой Зубр тем временем подхватывал из очага двумя палками раскаленные камни и перекидывал их в лодку. Вода недовольно шипела, брызгалась, пускала серую пену, и в конце концов наконец запузырилась. Храбрый Рык и Белый Камень подбросили в очаг свежие поленья: требовалось греть другие камни взамен тех, что остывали сейчас в воде.

– Если Быстрый Ветер захотел взять волчицу сам... – Тигриный Волк печально покачал головой. – Одному охотнику с матерой зверюгой не совладать!

– А еще духи забрали младшую девочку Белой Ласки, – добавила Снежана. – Ту, что пять лет назад появилась. Нападение медведя пережила, а тут пропала. Ой, гневаются на нас духи. Все гневаются и гневаются.

– Это я виноват... – прикусил губу Тигриный Волк.

– Почему ты, Пыхтун? – не поняла девочка.

– На зимней охоте мог ее взять. Волчицу. Но упустил. Теперь она мстит. Опытная, матерая, хитрая. Выследила и мстит. Это я виноват! – мотнул головой юный охотник.

– Почему ты? Ведь на облаву ходил весь род!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.